

ЮРИЙ КОТЛЯР

МЛАДШИЙ

Фантастический рассказ

— Смотри... — сказал Кид и взмахнул рукой.
«С-снэк! С-снэк!» — зазвенел воздух, и их осыпало каменными осколками.

— Ну, как! Здорово работают твари? — рассмеялся Кид.
— Да. Лучше некуда, — хмуро согласился Даниил.

ПИЛОТ

Рисунок В. ЗУЙКОВА

— Мы везучие. — Кид похлопал ладонью по каменистому гребню выемки, в которой они прятались. — Тут они к нам не подберутся.

— Местечко надежное. Но сидеть и ждать у моря погоды противно, — сказал Даниил.

Кид пожал плечами:

— Пока не взойдет Красное Солнце, они не уйдут. Уж поверь мне!

— Сколько осталось до восхода?

— Часа два... Пальни-ка разок. Но поосторожней, не высовывайся.

Даниил приподнялся, повел коротким стволом тайдера наугад в темноту, под скалами и нажал спуск. Слепящая белая вспышка на миг затмила призрачное сияние крохотного Фиолетового Солнца.

— Вот так! — ободрил Кид. — Теперь минутки три можно поболтать. Потом я пальну... Скажи, Даниил, за что вас списали с «Бора»?

— Никто меня не списывал.

— Выходит, Перро наврал? Непонятно, он же при тебе говорил...

— А я подтвердил?

— Н-нет. Но и не отрицал.

— Не привык подводить товарища.

— Ага! Вот оно в чем дело, — догадался Кид. — Это его одного списали. Да?

— Откуда ты взял? Все гораздо проще. У «Бора» закризничал реактор, и капитан привел звездолет на Пятую межзвездную.

— Ту, что у созвездия Центавра? — перебил Кид.

— Она самая. От вас рукой подать.

— Ну, это положим!

— Неужели далеко? — удивился Даниил.

— По мне — так да. Но у вас, звездолетчиков, на все свои мерки. Что дальше?

— На корабле во время ремонта реактора нашему брату пилоту делать нечего. Вот мы и попросились сюда посмотреть на добычу энория. Ну и помочь, если понадобится. Когда звездолет наладят, он по пути зайдет за нами.

— Болтун твой Перро! — неодобрительно буркнул Кид.

— Да нет, не очень, — сказал Даниил. — Просто любит разыграть. А ты поддался.

— Какой уж есть, да не свистун.

— Напрасно так думаешь. Перро надежный товарищ и дело знает отлично. Чуть не любую машину... — Даниил запнулся.

— Намек на модулятор? — прищурился Кид.

— Нет. Так, вообще...

— Чего там — вообще! — прервал Кид. — Сам знаю — моя вина. Он предупредил правильно. Я не послушал его, вот самоход и подвел. Но понимаешь!.. — Он энергично рубанул ладонью. — Понимаешь, мог же он сказать попросту, без подковырок! Мог или нет?

— Мог! Конечно, мог, но у каждого своя манера говорить, — улыбнулся Даниил и оживленно начал: — Я помню, однажды Перро... Ой!

Забывшись, Даниил резко подвинулся.

— Ному больно? — участливо осведомился Кид.

— Есть... немного.
— Потерли. Кость цела — ручаюсь. Заживет. Тебе еще повезло — попало на излете. Эх, кабы не это, мы бы запросто ушли... — вздохнул Кид огорченно и пояснил: — На дальних дистанциях они не слишком ловки.

— Ты видел их вблизи?

— Больше чем надо. Да и ты увидишь.

— Если успею.

— Скоро прилетит «Бор»?

— Да. Вчера пришла радиограмма.

— Жаль...

— Почему?

— Ты пришелся мне по душе. Не то что пустомеля Перро. И вообще я тебя давно знаю. Понаслышке, конечно, — улыбнулся он на удивленный взгляд Даниила. — Счастливый ты! Тебе правда всего девятнадцать?

— Скоро будет двадцать.

— Здорово! — восхитился Кид. — Девятнадцать лет, и уже младший пилот такой махины, как «Бор»... — Он вздохнул. — Мне двадцать два, а я только старший патрульный.

— Твоя работа потрудней нашей.

— Просто мы попали неудачно. — Кид махнул рукой. — Сначала сломался самоход... потом ты, — неуклюже пошутит он. — А так наше дело несложное: не зевай и держи тайдер наготове. Только и работы!

— Однако снаки убили двоих.

— Сами виноваты. Тут закон: при Фиолетовом Солнце из жилья без самохода или патруля ни шагу, а они пошли. Ну и вот...

— Дрянное место ваша Фисба.

— Зато энория хоть отбавляй. Ах, тварь! — Кид с неуправимой быстротой повел стволом и нажал спуск. — Готово! — небрежно, но с горделивой ноткой бросил он. — Вон лежит. Видишь?

— На кого он похож? На крокодила?

— Крокодил по сравнению с этой пакостью безобидный птенчик, — ухмыльнулся Кид и, переменяв позу, как ни в чем не бывало продолжал прерванный разговор: — Ты, выходит, потомственный звездолетчик?

— Откуда ты узнал?

— Я бывал в Москве. Там в Аллее гуманистов стоит бюст Даниила Ивы. На постаменте написано про полет «Эльфы» и про твоего отца.

— Он есть, и его почти нет, — сказал Даниил. — Не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь.

— Ты извини...

— Ты не сказал ничего плохого. Так сложились обстоятельства. И все.

Они помолчали, потом Кид осторожно осведомился:

— Вы давно виделись?

— С тех пор как его назначили капитаном Спасателей, всего один раз. Отец прилетел перед самым выпуском из лицея. Был у нас на вечере. А потом прошел месяц, и я отправился в этот рейс. К Веге, на двадцать лет. Я вернусь,

а он может уйти. И тоже в дальний... Спасатель себе не принадлежит.

— А знаешь, я тоже поступал в астроллицей, да не поступил. — Кид захотел переменить тему разговора.

— Отчего?

— Эйнштейн подвел, — подмигнул Кид.

— Вот как! — слабо улынулся Даниил. — Чем же это?

— Своей теорией. Понимаешь, я уже прошел все испытания. Сдал экзамены, и неплохо сдал. Казалось, бояться нечего. Но на заключительной беседе мне задали вопрос: «Теория относительности». Само собой, рассказал, написал формулы и прочее. Чего бы еще надо? Так нет же! Один из членов комиссии говорит: «А ну, быстро! Эффект разновременья на звездолете и Земле? В десяти фразах, популярно».

— Ну и что?

— Да что — срезался! До сих пор так и не могу представить... популярно. Они мне тогда сказали: «Такого здоровья лет триста назад взяли бы сразу. Но ты не привык коротко мыслить. Какой же из тебя выйдет звездолетчик? Представляешь! Так я и провалился. Чуть со стыда не сгорел.

— Почему? — удивился Даниил. — Ничего постыдного не вижу.

— Не об этом речь, здесь другое, — смущенно улынулся Кид. — После испытаний и экзаменов, до заключительной беседы, я по глупости похвастался Мэйб, будто уже принят. И вдруг такой скандал. Надо же! Что тут было делать? Взял и попросился на Фисбу. Все-таки Межзвездная служба. С тех пор не болтаю сам и не люблю болтунов вроде Перро.

— Дался тебе Перро, — усмехнулся Даниил. — А кто такая Мэйб?

— Моя девушка. Она ждет. Еще год, и я вернусь на Землю к ней. Должно быть, навсегда. А у тебя есть девушка на Земле?

— Чудак! Откуда возьмется земная девушка у звездолетчика?

— Верно! Я и забыл — вам Эйнштейн не позволяет, — с коротким смехом согласился Кид. — Нажми-ка разок... Знаешь, Даниил, все равно делать нечего. Растолкуй ты мне это проклятое разновременье, как они просили, в десяти фразах.

— Охотно.

— У тебя получится?

— А вот послушай. С приближением скорости звездолета к световой пространство перед ним как бы сжимается, а время стремится к нулю. Для человека на конце светового луча время нуль и пространство нуль. Теперь представь себе вращающийся диск: ты сидишь недалеко от центра, а я на одном радиусе с тобой, но дальше от центра. За одно и то же время я проделаю куда больший путь, чем ты. Тебе же на преодоление этого самого расстояния потребуется во столько раз больше времени, во сколько раз твоя

скорость меньше моей. Вот и все! Как видишь, я уложился всего в шесть фраз, но, безусловно, мое объяснение и пример весьма примитивны. Это не наука, а так... около.

— Зато кратко и понятно! — возразил Кид. — Из него сразу ясно, почему ваш брат улетает юношей и возвращается молодым, а земные друзья за это время успевают состариться. Мне бы тогда ответить так. Эх!

— Послушай, Кид, я спросонок не разобрал, зачем это нас послали на Вторую разработку? Подняли с кровати и отправили к тебе. Мол, Кид все скажет, а сейчас побыстрее поворачивайся.

— Неужели? — удивился Кид. — Ты извини, в спешке я забыл. Верней, думал, ты знаешь.

— Откуда! Понятия не имею.

— Гм... Видишь, какая штука, — виновато начал Кид. — Там помяло одного парня, и мы несем консервированную кровь. У них то ли не хватило, то ли несвежая.

— И ты молчал? — возмущился Даниил.

— Да разве я нарочно! Просто так вышло. Ну, а скажи я! Что это изменило?

— Как что! Человек, может, умирает. Нас ждут не дождутся, а мы отсиживаемся!

— Эх, Даниил, — неодобрительно покачал головой Кид. — Горячка ты! Думаешь, мне приятно? Нет, самому тошно. Но мы в ловушке. Да еще твоя нога...

— Зато у тебя обе целы!

— Ерунду ты говоришь! — осуждающе возразил Кид. — Не брошу же я тебя! Э! Погоди, пальну разок.

— А может, они ушли? — досадливо спросил Даниил.

— Ушли? Ну уж нет. Это дьявольски упорные твари.

Даниил, выставил из-за камня широкий приклад тайдера: «С-снэк! С-снэк! Пам!» — тайдер вылетел у него из рук, на прикладе темнела глубокая вмятина.

— Видел? — бросил Кид и строго добавил: — Больше не глупи, не рискуй тайдером. С одним на двоих долго не продержимся.

— Неужели они уловят разницу между одним и двумя?

— Еще как! Дошлые твари. Если их соберется побольше, то и с двумя будет туго. Особенно в фиолетовых сумерках, перед самым восходом Красного Солнца.

— Ты серьезно?

— А ты думал! Они не знают страха, только жадность, хитрость и упрямство. Пятерых положишь, а шестой тебя прикончит.

— Как они швыряют камни?

— Примерно так. Набивают зоб или нечто в этом роде кучей гладких камней. Язык у них на манер трубки. Мощная струя воздуха прогоняет камень через эту трубку, и он вылетает со скоростью метров этак двести в секунду. Представляешь! В общем напоминает духовое ружье, только вместо крохотной пульки килограммовый булыжник.

— Созданыца...

— Энорий всегда достается трудно.

— Не спору, — согласился Даниил, — но без него не обойтись. Энорий — движущая сила звездолетов.

— Твоему отцу и его товарищам энорий тоже обошелся недешево.

— Да. «Эльф» погиб со всем экипажем, а они трое из Седьмой секции чудом уцелели и кое-как добрались до Земли. И то благодаря Иве...

— Я знаю. Полет Седьмой стал легендой. Кто о нем не слышал! Ива — герой, пожертвовал собой ради двух других. Говорят, он опередил твоего отца?

— Да. Отец решил уйти, как только понял, что троем не уцелеть. А Ива догадался и опередил его.

— Тебя, наверное, назвали Даниилом в честь Ивы?

— Конечно. Но вот что, Кид. Как хочешь, а надо что-нибудь придумать. Я так больше не могу!

— Уже думал, — безнадежно отмахнулся Кид. — Если бы еще не твоя нога...

— Далась тебе моя нога! Считаю, что она цела.

— Нельзя считать то, чего нет.

— Уже слышал. Лучше скажи, что предпринять сейчас?

— Но ты же сам видел! — повысил голос Кид.

Они надолго замолчали. Даниил упрямо морщил лоб, что-то соображая. Он внимательно оглядывался вокруг и надолго задержал взгляд на отвесных скалах позади их убежища.

— Послушай, Кид! — взволнованно начал он. — Ничего не спрашивая, нажми. Но не разок, а раз пять. Подряд, с интервалами секунды в три. Ладно?

— Что ты задумал?

— Потерпи, узнаешь.

— Хорошо, будь по-твоему! — согласился Кид. — Но имей в виду, это опасная прихоть. Зарядов не густо.

— Знаю! Давай!

Пять ослепительных вспышек пронзили слабенький свет фиолетового дня.

— Ну? — выжидательно повернулся Кид.

Даниил молча протянул ему приклад тайдера.

— Не понимаю.

— Видишь — чистенький, ни одной новой вмятины. Когда ты стрелял, я выставил его и хоть бы камешек прилетел.

— Только-то... — разочарованно протянул Кид. — Лучше бы спросил, чем заряды тратить. Мне это давно известно. После выстрела они на несколько секунд слепнут. Но что толку?

— Чудак! Это то самое, что нужно. Скажи, ты сумел бы взобраться по этому желобу?

Кид оглянулся и оценивающе посмотрел на узкую расщелину, круто уходящую вверх.

— Пожалуй, можно.

— Сколько понадобится времени?

— Полминуты...

— Ну, так вот! Я прикрою тебя огнем, ослеплю их, а ты полезай...

— Ты спятил! — вскричал Кид.

— И не думал.

Кид пренебрежительно махнул рукой.

— Я-то выкручусь, а тебе одному здесь не отсидеться.

— Попробую! — перебил Даниил решительно. — Идти с тобой не смогу. Нога — не наступлю. Так хоть прикрою. Надо ж помочь тому парню. Раненому...

— Может, с ним и так ничего плохого не случится? — нерешительно предположил Кид. — Осталось всего полтора часа до восхода Красного Солнца. Только оно покажется — ни одного снежка не сыщешь.

— А если случится? Как тогда? — резко бросил Даниил.

— Хм!.. Вообще-то ты прав. Все может быть. И до чего же паршивое место эта чертова Фисба! — с внезапным ожесточением воскликнул Кид. — Будь она трижды проклята! Два солнца на небе, а толку нет. При Красном еще туда-сюда, жить можно. А при Фиолетовом — сплошная муть. Ничего не видно, радиосвязи нет, видеотелефон отказывает, и эта погань вылезает. Тьфу!

— Ругаться будешь потом! — оборвал Даниил. — Отвечай прямо — идешь или нет?

— Придется идти, — ворчливо согласился Кид. — Тебе же ничем не втолковать! Ты же из русских. Упрям, что снежок. В крови у вас это сидит, что ли... — Он с треском открыл магазин тайдера и вынул три боевых стержня из шести оставшихся: — На! Тебе будет нужней.

— У тебя, видно, это самое тоже в крови, — передразнил Даниил.

— Верблюд! — добродушно огрызнулся Кид. — Ладно! Давай руку и... что кому судьба пошлет. Смотри! Бей только наверняка, тогда, может, и продержишься. Только бы мне добраться без помех. Отдам кровь, сяду на самоход и мигом буду обратно... Эх, Даниил, справажу тебя на «Бор» и успокоюсь. От души говорю.

— Спасибо, — крикнул Даниил. — Ты готов?.. Ну, тогда начали!

Перед глазами Даниила заметалась слепящая пляска вспышек. Он насчитал шесть, но на всякий случай дал еще четыре: вдруг Кид замешкался. Потом, не снимая пальца со спуска, торопливо оглянулся. Позади было пусто. Он остался один. Даниил зябко поежился и проник в щель между камнями. Протекла минута, другая, третья, а, возможно, и все десять. Тьма под скалами казалась вымершей. «Может, ушли?» — блеснула слабая надежда. Вместе с надеждой и одиночеством пришла и боль: заныла нога. Это отвлекало и странно успокаивало. Так могло болеть на Земле в любом другом месте, где не бывает никаких снежков. Обманчивое спокойствие оборвалось внезапно: под скалами шевельнулась неясная тень. Даниил невольно крепче сжал тайдер. Еще недавно рядом был Кид, и Даниил знал: Кид не промахнется. Теперь все зависело от него самого, от его меткости и хладнокровия. Тень двинулась, приблизилась. Даниил напрягся, но страха не было, только холодок

ожидания и захватывающая дух настороженность, она мешала дышать.

«С-снэк! С-снэк!» — пронзительно взвыл воздух.

На скалу позади него обрушился настоящий каменный ливень. Осколки градом забарабанили по шлему, по эластичной ткани скафандра. Под прикрытием каменного ливня метнулась тень. Она приближалась неуклюжими, прихотливыми скачками, зигзагообразно. Он никак не мог поймать ее в прицельное кольцо, а она приближалась. Нервы сдали, он не выдержал и нажал спуск. При ослепительном свете вспышки тень замерла, распласталась неподвижной, безобразной кляксой. В этот короткий миг он успел накрыть ее кольцом прицела и послал импульс. Темное пятно конвульсивно дернулось, согнулось дугой и застыло неподвижно. «Ага! Есть! Вот как надо...» — понял Даниил.

Каменный дождь разом прекратился. Даниил торопливо переложил ствол тайдера левее, где недавно лежало оружие Кида, и дал импульс, целясь в безжизненно темневшую массу. Он попал, но она не шелохнулась. «Пусть думают, что нас двое, — решил он, очень довольный своей выдумкой. — А думают ли они? Кид считает их хитрыми тварями. Кид!.. Как он там?..»

Даниил представил себе, как Кид пробирается меж скал, в неверном полусвете, зорко всматриваясь в каждое подозрительное пятно. Оружие Кида тоже наготове. Он тоже один, а за плечами к тому же драгоценный груз — кровь. Возможно, в ней заключена жизнь товарища. И, наверное, Кид тоже думает о нем, Данииле.

Он едва не прозевал скачка снэка. Тень подобралась незаметно и прыгнула. Даниил ударил навскидку, не целясь. Не было времени. Распластавшись над землей, снэк летел прямо на него. Вспышка импульса подбросила его еще выше и швырнула оземь. Попал! От падения тяжелого тела дрогнула почва. Даниил ощутил на губах соленую влагу пота и лихорадочно слизнул ее. Часто и тревожно билось сердце: «Ну и ну! Впрямь, дошлые твари. Кид не преувеличил. Сначала атака под прикрытием — не вышло! Тогда втихомолку, ползком... Да, Кид знал, что говорил. Как он там, Кид?»

Еще не раз послал Даниил слепящие импульсы во тьму, а время шло не торопясь. До восхода Красного Солнца, по его расчетам, оставалось еще с четверть часа. Это было немного, но счетчик стержней тайдера показывал единицу. И еще три стержня Кида оставались в запасе. А дальше?

Не спуская глаз с гребня, отделявшего тьму под скалами от его убежища, он напряженно всматривался в фиолетовые сумерки. Подступало самое опасное время — заход Фиолетового Солнца. Между заходом Фиолетового и восходом Красного Солнца лежит несколько минут полной тьмы, а стало быть, и беззащитности. Но что делать? Зажечь прожектор шлема? Смешно и думать, это все равно что выйти и стать на виду. Он ничего не мог предпринять — только лежать и ждать, до боли напрягая усталые глаза.

Сумерки сгущались. Он уже не видел скал и с трудом различал расплывчатую полосу гребня, который все больше сливался с глубокой тьмой под скалами. Вот уже видна только половина, а дальше — чернота, насыщенная угрозой. Там, во тьме, что-то готовилось. Он ничего не видел и не слышал, но ощущал приближение опасности всем своим существом. Это угнетало и давило. Хоть бы уж скорей. Они, казалось, подслушали его желание — кинулись всей стаей сразу. Поверхность гребня исчертили зловещие тени. Даниил бил, почти не целясь, еле успевая нажимать спуск. Они были так близко и двигались так тесно, что он просто не мог промахнуться. Каждый импульс попадал в снака. Их становилось меньше. Он видел и замечал только это, ни о чем более не думая. В душе росло боевое торжество. Сам того не замечая, он говорил вслух: «Ага, получил! На тебе!.. На! Так, осталось два! Сейчас я взм, гадины!..»

Спуск мягко подался, но импульса не последовало. Он машинально, еще не сознавая происшедшего, нажал еще и еще. Тайдер стал просто дубиной. Даниил похолодел: «Все!..» Тени стремительно приближались, он уже видел кошмарные морды. Это был конец. Неотвратимый, как горный обвал. Его властно охватило слепое бешенство. Он вскочил во весь рост, позабыв про больную ногу, позабыв про все на свете, кроме бешенства и ярости. Схватил тяжелый тайдер за ствол и с неистовым воплем ринулся навстречу снакам.

Слепящий импульс ударил прямо над ним. Еще, еще. Ошеломленный и ослепленный, он остановился, невольно прикрыв глаза руками. Потом опустил руки и обернулся, поняв, но все еще не веря. На обрыве скалы в первых лучах красного рассвета темнели три человеческие фигуры...

Через неделю младший пилот суперзвездолета «Бор» Даниил Гаев продолжал полет к далекой Веге.

